

На правах рукописи

БОГОМАЗОВА Виктория Владимировна

**КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ «ЧУЖДОСТЬ»
В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

- Научный руководитель – *Панченко Надежда Николаевна*, доктор филологических наук, доцент.
- Официальные оппоненты: *Палашевская Ирина Владимировна*, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», доцент кафедры романо-германской филологии);
- Синина Анна Игоревна*, кандидат филологических наук (ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия МВД России», ст. преп. кафедры иностранных языков).
- Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Защита состоится 3 июля 2015 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан 8 мая 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование выполнено в русле дискурсивной парадигмы лингвистики. **Объектом** данной работы является коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе. **Предметом** изучения выступают средства репрезентации коммуникативной категории чуждости в судебном дискурсе.

Коммуникативные категории являются в настоящее время предметом научных дискуссий. Коммуникативная категория «чуждость» изучалась на материале политического, массмедийного, художественного видов дискурса, однако объектом исследования на материале судебного дискурса, по нашим данным, еще не становилась. Судебный дискурс, с одной стороны, характеризуется жесткой регламентацией, а с другой – относительно свободным выбором его участниками стратегий и тактик речевого поведения, что делает **актуальным** выявление механизма реализации коммуникативной категории «чуждость» посредством особых стратегий и тактик.

В основу выполненной работы положена следующая **гипотеза**: коммуникативная категория «чуждость» представляет собой системное образование, в основе которого лежит оппозиция «свой – чужой», реализуемая через частные категории агональности и ритуальности с помощью специфического набора знаков – маркеров чуждости.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении особенностей реализации коммуникативной категории «чуждость» в судебном дискурсе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие основные **задачи**:

- 1) рассмотреть многообразие исследовательских позиций и взглядов на оппозицию «свой – чужой» и определить ее философские, социопсихологические и лингвокультурологические характеристики;
- 2) систематизировать средства реализации оппозиции «свой – чужой» как основы формирования коммуникативной категории чуждости;
- 3) выделить маркеры чуждости в судебном дискурсе;
- 4) проанализировать категории «ритуальность» и «агональность» как средства реализации категории «чуждость» в судебном дискурсе;
- 5) охарактеризовать ролевую структуру судебного дискурса и описать специфику проявления категории «чуждость» в коммуникативном поведении его агентов;
- 6) выделить основные стратегии и тактики, актуализирующие коммуникативную категорию чуждости в поведении агентов судебного дискурса.

Цели и задачи настоящего исследования определили выбор **методов исследования**: 1) общенаучные гипотетико-дедуктивный и описательный методы, представленные приемами классификации, интерпретации и обобще-

ния; 2) интерпретация текстов различных научных парадигм, направленная на осмысление сущности изучаемого явления; 3) контекстуальный и стилистический анализ; 4) прием количественных подсчетов.

В качестве источников **материала** исследования привлекаются стенограммы, протоколы и видеофрагменты реальных судебных процессов, отражающие проявление категории чуждости в речи агентов судебного дискурса. Проанализированы материалы более 100 судебных заседаний, датированных 2000–2014 гг., по уголовным и гражданским делам, рассмотренным в судах РФ. В работе также использованы данные интернет-сайтов, интернет-форумов, примеры художественной и публицистической литературы. В качестве единицы исследования рассматривался текстовый фрагмент судебного дискурса, содержащий проявление коммуникативной категории «чуждость».

Научная новизна работы определяется тем, что впервые предпринята попытка комплексного исследования содержания и способов реализации коммуникативной категории «чуждость» в судебном дискурсе; выявлены конституирующие ее категории «ритуальность» и «агональность»; систематизирована совокупность разноуровневых языковых средств реализации оппозиции «свой – чужой», составляющей основу исследуемой категории; выделены основные стратегии и тактики, актуализирующие коммуникативную категорию чуждости в поведении агентов судебного дискурса.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии дискурсивной парадигмы исследований. В диссертации систематизировано многообразие исследовательских позиций и взглядов на противопоставление «свой – чужой» как основы коммуникативной категории чуждости, на систему потенциальных средств выражения данной оппозиции. Выявлена специфика проявления рассматриваемой категории в российском судебном дискурсе, до сих пор не получившей многостороннего рассмотрения в научной литературе. Исследование также вносит определенный вклад в развитие теории коммуникации и теории языка, уточняя понятие «коммуникативная категория».

Практическая ценность работы определяется возможностью использования ее материалов и результатов в вузовском преподавании: при разработке учебных курсов по стилистике, языкознанию, теории дискурса, социолингвистике, лингвокультурологии. Материалы диссертации также могут найти применение при подготовке выпускных квалификационных работ студентами, а также в практической деятельности работников правоохранительной сферы.

Методологической базой данной работы послужили исследования ученых, работающих в области теории коммуникации и теории дискурса (А.С. Александров, Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, В.В. Красных, Л.П. Крысин, Е.А. Кожемякин,

О.А. Леонтович, О.И. Матьяш, А.В. Олянич, Л.Н. Синельникова, А.Е. Супрун, И.А. Стернин, Е.И. Шейгал, Р.А. Chilton, С. Schaeffner и др.), в том числе посвященные анализу категорий (Е.П. Захарова, Е.В. Кишина, Дж. Лакофф, А.А. Матвеева, А.Б. Пеньковский, М.Н. Петроченко, Р.Н. Порядина, А.Ю. Скрыльникова, Е.И. Шейгал и др.); социолингвистики (Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская и др.), лингвокультурологии (В.В. Красных, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов, Н.В. Уфимцева и др.).

Личным вкладом автора являются: 1) определение и описание оппозитивных моделей проявления коммуникативной категории «чуждость» в судебном дискурсе; 2) выделение и рассмотрение агональности и ритуальности как конститuentов коммуникативной категории чуждости, служащих средством ее проявления в судебном дискурсе; 3) анализ проявления чуждости в коммуникативном поведении агентов судебного дискурса.

На защиту выносятся следующие теоретические положения:

1. Чуждость представляет собой коммуникативную категорию, в основе формирования которой лежит универсальная бинарная оппозиция «свой – чужой», имеющая архетипическое проявление. Это позволяет определить содержание данной коммуникативной категории как такую организацию коммуникации, при которой происходит противопоставление на своих и чужих, отстранение, отчуждение. Коммуникативная категория «чуждость» является обязательной коммуникативной категорией, проявляется в разных типах дискурса, определяет характер протекания коммуникативного взаимодействия между его участниками.

2. Коммуникативная категория «чуждость» представляет собой сложное многомерное образование, проявляющееся в судебном дискурсе с помощью эксплицитных маркеров чуждости и конституирующих ее коммуникативных категорий агональности и ритуальности, маркирующих ее проявление в дискурсе.

3. Реализация категории чуждости в коммуникативном поведении агентов судебного дискурса соотносится с двумя основными линиями их дискурсивного поведения – обязательной, которая обусловлена агональным характером судебного процесса, и факультативной, которая обусловлена: а) рассогласованием между институциональной ролью и невыполнением своих профессиональных обязанностей (у защитника и обвинителя); б) рассогласованием между личным отношением и исполнением своих обязанностей (у защитника и судьи).

4. Коммуникативная категория «чуждость» связана с прагматическими личностно-ценностными установками говорящего и реализуется в стратегическом коммуникативном поведении участников судебного дискурса. Актуа-

лизация категории чуждости в коммуникативном поведении защитника осуществляется с помощью стратегий дискредитации и психологического воздействия; в коммуникативном поведении обвинителя доминирующей является стратегия психологического воздействия; в коммуникативном поведении судьи – стратегия следования регламенту судебного разбирательства.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» Волгоградского государственного социально-педагогического университета (2012, 2013, 2014, 2015 гг.), а также были представлены в докладах и сообщениях на конференциях, семинарах и форумах: *международных* – молодежный форум «День победы над стереотипами» (Рязань, 2010), III Международная научная конференция молодых ученых «Парадигмы современной науки» (Караганда, 2011), Международная конференция при поддержке МИД России «Модель ООН» (Москва, 2011), I Международный семинар «Дискурс. Интерпретация. Перевод» (Воронеж, 2012), XIV Международная конференция «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты» (Ульяновск, 2014); *региональных* – XV региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2010); *межвузовских* – IX школа молодого исследователя на базе СОК ВГСПУ (Волгоград, 2010), «Человек в коммуникации: языковая динамика в современном обществе» (Волгоград, 2014).

Содержание работы отражено в 9 публикациях общим объемом 3 п.л., включая 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка лексикографических источников и принятых сокращений, источников примеров и 9 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Оппозиция “свой – чужой” как основа коммуникативной категории чуждости» содержит теоретические основания проведенного исследования. В данной главе рассматривается многоаспектная природа оппозиции «свой – чужой», являющейся основой формирования коммуникативной категории чуждости; анализируются и систематизируются языковые средства репрезентации оппозиции «свой – чужой»; определяются особенности проявления данной категории в институциональных видах дискурса, а именно: в политическом, религиозном, массмедийном и юридическом.

Длительная история изучения противопоставления «свой – чужой» обуславливает наличие хорошо разработанной теоретической и практической базы, анализ которой позволил выделить три основные исследовательские

позиции, изучающие «свой – чужой» как бинарную оппозицию (Гуревич, 1972; Серебренникова, 2004; Трубецкой, 2000; Цивьян, 1990 и др.); как концепт (Алефиренко, 2004; Выходцева, 2006; Карасик, 2000; Кранышева, 2008; Паршина, 2004; Петрова, 2006; Скрыльникова, 2008; Степанов, 2004; Хагба, 2006 и др.) и как категорию (Захарова, 1998; Кишина, 2006; Лакофф, 1988; Матвеева, 2011; Пеньковский, 1989; Петроченко, 2005; Порядина, 2002). Объединяющим эти подходы фактором является идея о базовом принципе бинаризма оппозиции «свой – чужой», объясняющем категоризирующую деятельность человека и служащем ядром интересующей нас коммуникативной категории чуждости.

В работе приводится анализ мнений ученых о реализации оппозиции «свой – чужой» в системе современного гуманитарного знания, а именно в философии, социопсихологии и лингвокультурологии. Взгляд сквозь призму философской науки показал, что бинарность в качестве принципа категоризации мира рассматривается наряду с однополюсными смысловыми конструктами или как составная часть трехчленной классификации, а ее актуальность доказывает доминирующую позицию философского закона единства и борьбы противоположностей.

Социопсихологический аспект «свой – чужой» доказал, что данная оппозиция связана с проблемой межгрупповых отношений (Фромм, Налчаджян, Корчак, 2006); с вопросом (само-) идентификации и идентичности (Александров, Лукьянов, 2012; Заковоротная, 1999; Иванова, 2012; Леонтович, 2003; Свендсен, 2004; Фромм: www, Шестаков: www, Lifton, 1993); с феноменом внутренней кооперации (Агеев, 1990); с понятиями межгрупповой враждебности, внутригрупповыми и внешними конфликтами (Агеев, 1990; Шпилов, 2008; Skinner, 1971).

Лингвокультурологический анализ соотнесен с исследованиями духовной сферы человечества, реконструкцией по данным языка архаической праславянской модели мира, выявлением и описанием лингвокультурем, констант русской культуры, ее ценностных ориентиров (Воробьев, 1997; Иванов, Топоров, 1974; Маслова, 2001; Степанов, 2004; Цивьян, 1990 и др.). Архаическое осмысление оппозиции «свой – чужой», обуславливающее ее аксиологическую направленность, универсальный характер данного противопоставления, бытующего в наивном сознании, мотивирует отражение данной оппозиции в языке, его системе, а также широкую экспликацию в дискурсе.

Фундаментальный характер членения мира с позиции определения «своего» и «чужого» провоцирует практически безграничную экспликацию семантики оппозиции «свой – чужой» с помощью разноуровневых языковых средств, ставших предметом научного интереса в трудах многих исследова-

телей (Аншакова, 2004; Кишина, 2006; Лаптева, 2013; Пеньковский, 1989; Петроченко, 2005; Порядина, 2002; Резанова, 1996; Сахно, 1991; Серебренникова, 2004, Скрыльникова, 2008 и др.).

Анализ и систематизация языковых средств позволили сделать вывод, что базовым и наиболее представительным в количественном отношении при выражении оппозиции «свой – чужой» является **лексический** уровень языка. Идею **‘свойственности – чуждости’** могут выражать:

- 1) лексемы *‘свой’*, *‘чужой’*;
- 2) местоименные слова, основной набор которых сводится к следующим парам противопоставления сфер «свое – чужое»: *я – ты; мы – вы; мы – они; мой – твой; наш – ваш; наш – их; этот – тот*;
- 3) лексические единицы, указывающие на пространственную и временную локализацию объектов: *здесь, тут – там; сейчас, теперь – тогда, раньше – сейчас*;
- 4) лексические единицы с эмоционально-оценочным и экспрессивным значением, например: *вышвырнуть, вражина*;
- 5) субстантивированные прилагательные с семантикой чуждости: *незнакомый, посторонний*;
- 6) глаголы, обозначающие способ действия в «своем» мире и в «чужом»: а) глаголы со значением обладания и принадлежности: *иметь, владеть, обладать*; б) глаголы со значением восприятия органами чувств: *видеть, смотреть, глядеть, слышать, слушать* и т.д.

Отдельную группу единиц лексического уровня, выражающих семантику **‘чуждости’**, составляют:

- 1) лексические единицы, обозначающие человека, насильно или добровольно покинувшего ‘свой’ мир: *отшельник, отшелец, отцепенец, отступник*;
- 2) неопределенные местоимения с *-нибудь*: *где-нибудь, какой-нибудь, куда-нибудь*;
- 3) определительные местоимения *всякий* и *какой-то* и др.

На **морфемном** уровне **‘свой – чужой’** могут эксплицировать префиксы, которые вносят сему «свойственности» – «чуждости» в семантическое содержание слова: *свойственность* = префикс *с-* (*со*); *чуждость* = прибавление приставки *вы-*, *ра-*, *от-*. Смысл ‘свой’ может быть выражен путем использования деминутивов со значением положительной аксиологической оценки «хороший» (к примеру, уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ик*, *-чик*, *-к*, *-ек*, *-ок*, *-очек/-ечек*, *-ушк* и др.), которые могут развиваться в аспектах «хороший + нужный», «хороший + полезный». Исследователи указывают на возможность употребления данных суффиксов в значении ‘чуждости’, что проявляется в диалектном языке: случай употребления оценочно-нейтраль-

ного *сураз*, желание обозначить «чуждость» (+ осудить), выражается словом *суразенок*.

Идею 'чужого' на морфемном уровне способны представить:

1) префиксы *раз-*, *рас-*, *вы-*, передающие идею нарушения привычного уклада жизни, разрыва контакта, удаления;

2) приставка *у-*, имеющая древнее отрицательное значение и обозначающая наименование человека (*урод*, *убогий*, *ублюдок*);

3) приставка *раз-*, этимологически сросшаяся с корнем и не воспринимаемая отдельно от него: *развестись*, *развалить*.

К единицам, выражающим 'свой – чужой' на синтаксическом уровне, относятся:

1) конструкции противопоставления с отрицанием *не*;

2) безличная конструкция;

3) пассивные конструкции с предикатом, выраженным спрягаемой формой глагола с постфиксом *-ся* в страдательном значении, или краткой формой страдательного причастия (Михалёва, 2004) и др.

Помимо указанных средств, идею 'свой – чужой' могут выражать фразеологические единицы (Лаптева, 2013), а также разнообразные стилистические приемы и средства (эвфемизмы, дисфемизмы, метафоры, антитезы и т.д.).

Статус универсальной архетипической оппозиции «свой – чужой» подтверждает факт ее проявления в любой сфере жизнедеятельности человека, в разных типах коммуникативных ситуаций и дискурса. Рассмотрение подходов и возможных вариантов ее реализации в институциональных видах дискурса позволило выделить оппозитивные модели проявления коммуникативной категории «чуждость» в политическом, религиозном, массмедийном и юридическом, в том числе судебном, видах дискурса.

В результате обобщения выводов исследователей политического дискурса установлено, что данная оппозиция занимает в нем ядерное место, имеет амбивалентный характер и является основополагающей в выборе линии коммуникативного поведения политика. В политическом дискурсе мы выделяем следующие оппозитивные модели: «агент – агент» (представитель одной политической партии / течения противопоставлен представителю другой политической партии / течения и пр.); «агент – клиент» (представитель какой-либо политической партии / течения противопоставлен клиенту, разделяющему другие политические взгляды); «клиент – клиент» (аудитория какого-либо политического блока противопоставлена аудитории с другими политическими взглядами).

Сакральный характер религиозного дискурса обуславливает ядерную позицию «свой – чужой». Оппозитивные модели в данном дискурсе строятся

по следующим признакам: приверженец какого-либо религиозного течения (свой) – его противник (чужой); соблюдающий суперморальные и моральные нормы / ценности, следующий заповедям (свой) – не следующий заповедям (чужой).

Являясь медиатором, опосредующим многие дискурсы, массмедийный дискурс также включает проявления универсальной оппозиции «свой – чужой». В качестве оппозитивных моделей выступают следующие противопоставления: 1) журналист – государство (в роли «чужого» оказывается журналист с «невыгодными» для политики государства взглядами); 2) журналист – адресат (актуализируется в случае, если позиция журналиста отличается от мнения аудитории, журналист проповедует идеи, чуждые отдельным социальным группам или большинству потребителей массмедийного дискурса); 3) журналист – журналист (предполагает противопоставление двух журналистов, профессиональные взгляды которых имеют какие-либо разногласия); 4) адресат СМИ1 – адресат СМИ2 (противопоставляется аудитория одного журналиста / телеканала / интернет-ресурса и пр. аудитории с другими вкусами и предпочтениями). Каждый из участников массмедийного дискурса (агент или адресат) может занимать позицию своего или чужого по отношению как друг к другу, так и к потенциально своему (агент – агент или адресат – адресат).

Цель юридического дискурса заключается в установлении законности или границы, преступая которую участник дискурса начинает оцениваться как «чужой», не соответствующий общим нормам, правилам. Данный факт, а также такие характеристики данного дискурса, как закрытость, наличие строгих правил и норм оформления, особенности ролевой структуры, организации хронотопа, высокая степень клишированности языка, трафаретность и др., становятся критериями для ранжирования его агентов и клиентов на «своих – чужих».

Выделены пять основных оппозитивных моделей реализации оппозиции «свой – чужой» в юридическом дискурсе: 1) соблюдающий закон (свой) – несоблюдающий закон (чужой); 2) специалист (вхожий в систему, владеющий юридическим языком, его терминологической базой, = свой) – неспециалист (обыватель, не принадлежащий к данной системе, = чужой); 3) агент – клиент, по отношению к клиенту агент может выступать в качестве «своего» – адвокат (защитник) и в качестве «чужого» – прокурор (обвинитель); 4) агент – агент, в данном случае имеется в виду различная степень противопоставления одного агента другому в рамках институциональной ситуации общения, к примеру обвинитель – защитник (свой – чужой); 5) клиент – клиент, в этом примере клиент дискурса может разделять мнение дру-

гого клиента, в результате чего они становятся своими или, напротив, противостоят ему, тогда они вступают в отношения «свой – чужой».

Во второй главе «Специфика реализации коммуникативной категории “чуждость” в судебном дискурсе» уточняется понимание коммуникативной категории «чуждость»; выделяются вербальные и невербальные знаки ее экспликации в судебном дискурсе; рассматриваются категории агональности и ритуальности как средства реализации коммуникативной категории чуждости; проводится анализ ролевой структуры судебного дискурса и специфики проявления категории чуждости в коммуникативном поведении защитника, обвинителя и судьи.

В самом общем виде коммуникативная категория определяется как единство структурно-организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения. Коммуникативные категории определяют прагматику дискурса, способ и организацию общения, характер его протекания (Шейгал, 2006).

Отмечая общую для всех славянских языков специфику семантической структуры производных, образующих лексические гнезда с корнем чуж-/чужд-, А.Б. Пеньковский представляет их как комплекс взаимосвязанных значений: *‘чужой’* → *‘чуждый’* → *‘враждебный’* → *‘плохой’*, демонстрирует сопряжённость категории чуждости с категориями отрицательной и положительной оценки: «говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и / или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно – в силу собственной враждебности) культуры, другого – чуждого – мира» (Пеньковский, 1989, с. 8–9).

Анализ исследований категории чуждости и доказанных положений и выводов (Е.Э. Абдуллина, Е.Н. Вершинина, Е.П. Захарова, Е.В. Кишина, О.Н. Паршина, А.Б. Пеньковский, М.Н. Петроченко, Р.Н. Порядина, З.И. Резанова, А.Н. Серебренникова, А.Ю. Скрыльникова, Е.И. Шейгал и др.) позволил дополнить и сформулировать релевантные для нашей работы позиции. Коммуникативная категория «чуждость»: а) является обязательной коммуникативной категорией, проявляющейся в разных типах дискурса; б) обладает собственными средствами выражения и имеет собственное содержание, основой формирования которого выступает универсальная архетипическая оппозиция «свой – чужой»; в) связана с прагматическими установками говорящего и реализуется в его стратегическом коммуникативном поведении; г) является сложным образованием, в состав которого включены частные категории, служащие одним из способов ее проявления в дискурсе.

Мы определяем содержание данной коммуникативной категории как такую организацию коммуникации, при которой происходит противопоставление своих и чужих, отстранение, отчуждение. Коммуникативная категория чуждости обладает собственными регулярными средствами языкового выражения, а прагматический потенциал оппозиции «свой – чужой» обеспечивает широкую репрезентативность чуждости в судебном дискурсе.

К маркерам чуждости в судебном дискурсе относятся вербальные знаки:

1) дейктические и однозначные знаки, содержащие компонент дистанцирования: *эти, они, там* и др.;

2) показатели умаления значимости, относимые к идентификаторам нижнего уровня тимиологической оценки (по А.Б. Пеньковскому): *всякие, какие-то, какой-нибудь там* и пр.;

3) показатели недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов: *якобы, так называемый, пресловутый* и пр.

Среди основных невербальных знаков, непосредственно коррелирующих с коммуникативной категорией чуждости в судебном дискурсе, были выделены:

1) семиотика одежды (служители права облачаются в мантию, форму, носят головные уборы как символ власти и возвышения, погоны);

2) семиотика цвета (черный базовый цвет мантии, символизирующий беспристрастность судьи, синий цвет формы у государственных обвинителей в российской системе правосудия – цвет истины);

3) символические артефакты (статуя Фемиды, небольшой церемониальный молоток судьи и плашка, символизирующая право на необратимое решение); очки, костюм и пр.;

4) семиотика пространства – здания и залы судебных заседаний, располагающиеся на возвышении (это трибуна, дворец, отдельное строение); обязательное наличие совещательной комнаты для судей; расположение мебели в зале судебных заседаний (представители защиты и обвинения располагаются друг напротив друга, место судьи находится выше общего уровня зала, отдельная трибуна для свидетелей на нейтральной территории, несколько мест для публики создают эффект отстранения, отчуждения противоборствующих сторон). Кроме того, закрытый доступ, необходимость удостоверений и других разрешающих документов для входа на территорию правовых институтов также могут служить особым маркером чуждости в судебном дискурсе.

Помимо перечисленных искусственных маркеров реализации чуждости релевантными оказываются естественные невербальные знаки: кинетические (жесты и позы), фонационные, мимические и актонические средства. В проанализированных видеофрагментах судебных заседаний были выявлены мар-

керы чуждости, демонстрируемые агентами судебного дискурса интуитивно: рубящий жест рукой, символизирующий взмах оружия; сомкнутый кулак как признанный символ агрессии; покачивание головой как знак негативной оценки действий адресата; эмоциональный тембр голоса, сигнализирующий о неодобрении своего оппонента, о неприятии его точки зрения; громкость голоса как средство выражения гнева, недовольства; закрытые жесты, воспринимаемые как угрожающие или символизирующие попытку отгородиться от окружающих и др.

Коммуникативная категория «чуждость» представляет, на наш взгляд, сложное образование, в состав которого включены частные категории, служащие одним из способов ее проявления в судебном дискурсе. Такими конститuentами коммуникативной категории чуждости, маркирующими ее проявление в судебном дискурсе, выступают категории агональности и ритуальности.

Согласно ритуалу, любое судебное заседание открывает самое высокое по статусу должностное лицо – председательствующий, объявляющий, какое дело подлежит разбирательству. Проявление коммуникативной категории чуждости можно проследить уже с самого начала заседания, т.к. председательствующий априори по своему статусу противопоставлен всем остальным участникам судебного дискурса, он является чужим по отношению как к стороне обвинения, так и к стороне защиты, не выражает какой-либо симпатии / антипатии ни к одной из сторон. Ритуальность судебного дискурса проявляется в строго фиксированном составе участников, четких целях, хронотопе, условиях протекания событий и т.д. Средством выражения коммуникативной категории чуждости служит ритуализированный характер процедуры называния участников судебного дискурса, т.е. определения лиц по признакам, обусловленным их действием, отношением, положением: государственный обвинитель, судья, подсудимый, потерпевший, свидетель. Переход участников судебного дискурса из мира повседневности в мир правовых отношений, обретение нового статуса, сопровождаемого набором ритуальных действий, жестко клишированных ритуальных текстов, которые произносят участники судебного дискурса, и временное отстранение от своего привычного положения мы также относим к средствам актуализации коммуникативной категории чуждости.

Архитектоника судебного дискурса всегда базируется на противостоянии двух чужих сторон (защиты – обвинения), имеющих неравные статусные позиции и борющихся за торжество истины. В судебном дискурсе агональность напрямую связана с намерением участвующих в судебном процессе оппозиционных сторон (защиты – обвинения) победить в сложившемся споре и доказать невиновность / виновность подсудимого. Агональный характер

связей между профессиональными агентами проявляется в виде обязательной несовместимости их мнений, разных подходов к оценке совершенного действия. Все в совокупности служит доказательством того, что агональность судебного дискурса, заключающаяся в активном отстаивании сторонами своих точек зрения перед судом, непосредственно коррелирует с коммуникативной категорией чуждости.

Анализ протоколов и стенограмм судебных заседаний позволил выявить знаки агональности, объективирующие данную категорию в судебном дискурсе. Установлено, что для агентов судебного дискурса характерна дискуссионная агональность (ее прототипным жанром является спор, а коммуникативной интенцией – установление истины). Среди знаков дискуссионной агональности наиболее частотными являются:

1. Маркеры чуждости (в данном примере – показатели умаления значимости, недоверия):

*Сейчас у нас появляется **некая** копия. Таких копий можно изготовить бесчисленное количество. Если считает представитель потерпевшего, что эти сведения, которыми **обладал якобы** в тот момент Д., относимы к делу, пожалуйста, пускай заявляет ходатайство о его вызове в качестве свидетеля. В данном случае я полагаю, что эта копия, она не удовлетворяет требованиям, которые предъявляются к документам* (Стенограмма по делу Орлова).

2. Индикаторы личного дейксиса *Я – ВЫ, МНЕ – ВАМ, НАС – ВАС*, маркирующие противостояние оппонентов:

Подсудимый: *«И тогда только **вы** поймете, что испытывал **я**, слушая вас, как **Вы** меня обвиняете, унижаете и каково **мне**, когда **я** не могу **вам** доказать, что **я** не совершал этого преступления, что **я** не виноват в смертях ваших родных, потому что **вас** настолько убедили, что **вы** не хотите нас слушать»* (Протокол по делу Коростелева).

3. Номинации противоборствующих сторон (*оппонент, противная сторона, сторона обвинения*):

*Почему-то наши **оппоненты** не хотят рассматривать больше никаких версий, кроме именно, что это убийство, кому это было выгодно* (Стенограмма № 2 по делу Орлова).

4. Номинации агональных действий, эксплицирующиеся в речи агентов:

*У нас **состязательный процесс**, не так ли, Г.М.? – у нас **состязательный процесс**, и каждая сторона обязана доказать те обстоятельства, на которые она ссылается* (Стенограмма по делу Орлова).

5. Группа устойчивых клишированных словосочетаний перформативного характера, служащих осуществлением агональных коммуникативных действий:

*Ваша честь, я **возражаю против** приобщения этого документа. С моей точки зрения, нет никаких оснований считать это копией реального документа (Стенограмма по делу Орлова).*

6. Негативно-оценочные номинации и дескрипции, прямо или косвенно адресованные оппоненту в рамках судебного процесса, что позволяет говорящему ввести в аргументацию компонент, воздействующий на эмоциональное сознание присутствующих:

*Поскольку по не известной мне причине (**недобросовестности или непорядочности**) истцом не было передано ответчику исковое заявление, поэтому о сущности иска не было известно, а судьей на первом заседании не были разъяснены его права, в частности о том, что можно было перенести судебное заседание (Стенограмма по делу Грошева);*

*Ваша честь, мне однозначно трудно сформулировать. Во-первых, очевидно затягивание процесса потерпевшим и представителем потерпевшего. Это уже **системное, длительное, преднамеренное затягивание процесса**. Мне непонятно, почему представитель потерпевшего не мог пригласить сюда... сделать это ходатайство на прошлом заседании (Стенограмма по делу Орлова).*

7. Использование иронии. В ответ на ходатайство стороны обвинения приобщить к делу новые документы адвокат при помощи аллюзии на текст песни Б. Окуджавы «Песенка кавалергарда»: *Не обещайте деве юной любви вечной на земле (Стенограмма по делу Орлова)*, используя ироничный комментарий, подчеркивает тщетность попыток представителя стороны обвинения, бессмысленность приобщения новых документов.

8. Антитетичность человеческого мышления обуславливает оппозитивность построения дискурса, в частности влияет на агональный характер судебного дискурса. Антитетичность (Лассан, 1995) как маркер агональности и чуждости проявляется в примере:

Истец: *Мы не о социологии говорим, а об исполнительном документе.*

Ответчик: *В том то и вопрос, что это другая сфера. Это – юриспруденция. Знаете, когда я к вам сюда иду, я хотя бы законы почитаю, а почему **Вы ничего не считаете нужным почитать по социологии? Опровергается все в рамках публичного дискурса, а не в суде... Почитайте по социологии что-либо, ради Бога!** (Стенограмма по делу Грошева).*

Последнее восклицание с фразеологизмом *ради Бога!* усиливает эффект отчуждения, добавляет оттенок сожаления и разочарованности в некомпетентности своего оппонента.

Проведенный анализ показал, что среди средств выражения чуждости в судебном дискурсе встречаются также знаки конфронтативной агональности (общение в конфликтной тональности с использованием средств вербальной

агрессии) – междометия, аффективы, выражающие агональную враждебность. Подобные знаки обнаружены только в коммуникативном поведении клиентов судебного дискурса – свидетелей, потерпевших, подсудимых, например:

Представитель потерпевшего: *Ошибка, да, но она, в общем-то, формальная.*

Подсудимый: *Ни фигу себе формальная...*(Стенограмма по делу Орлова).

Категория «чуждость» связана с речевой деятельностью говорящего, прагматический характер категории обусловлен личностно-ценностными установками говорящего, что проявляется в коммуникативном поведении агентов судебного дискурса, в выборе определенных стратегий и тактик.

Анализ коммуникативного поведения основных агентов судебного дискурса, а именно защитника, обвинителя и судьи в диадах «защитник → обвинитель», «защитник → судья», «защитник → свидетель»; «судья → защитник», «судья → обвинитель», «судья → свидетель»; «обвинитель → защитник», «обвинитель → судья», «обвинитель → свидетель», позволил выявить две линии их поведения: облигаторную и дополнительную, в рамках которых они проявляют чуждость по отношению к другим участникам судебного процесса.

В рамках облигаторной линии поведения, обусловленной агональным характером судебного процесса, защитник противостоит своему (ритуально закрепленному) противнику – обвинителю, в качестве которого могут выступать прокурор, следователь, представляющий сторону обвинения, и представитель истца / ответчика. Категория «чуждость» в вербальном поведении адвоката факультативно реализуется:

а) как рассогласование между закрепленной за адвокатом институциональной ролью защитника и невыполнением своих профессиональных обязанностей, когда адвокат не соответствует ожиданиям и не защищает права подзащитного;

б) как рассогласование между внутренним отношением к подзащитному и / или его деяниям и внешним исполнением своих обязанностей, когда адвокат вынужден выполнять действия по защите доверителя / подзащитного, испытывая чувство глубокого сожаления, а иногда несогласия и внутреннего отчуждения от него и его действий.

В коммуникативном поведении защитника обнаружена различная степень его дискурсивной активности по отношению к обвинителю, судье и свидетелю.

Анализ материалов 95 стенограмм судебных заседаний, включающих участие 20 защитников, дает основание утверждать, что коммуникативная

категория «чуждость» наиболее активно проявляется в коммуникативном поведении защитника по отношению к его основному дискурсивному оппоненту – *обвинителю*, отчуждение от которого реализуется в рамках общей статусно детерминированной стратегии защиты в используемых им вспомогательных стратегиях дискредитации (17 примеров) и психологического воздействия (9).

В следующем фрагменте на реализацию чуждости работает стратегия дискредитации, представленная тактикой критики, что выражается в отрицательной характеристике оппонента, его некомпетентности. Факт несоответствия обвинителя профессиональным стандартам направлен на подрыв его авторитета в глазах участников судебного процесса и вводит его в ранг чужих агентов, т.к. он не выполняет свою институциональную роль в судебном дискурсе в полном объеме. Помимо сказанного, защитник использует колкость, акцентирующую внимание на противопоставлении того, что должно было быть сделано и что не сделано.

Адвокат: *Да, мне кажется, что прокурор немножко неправильно понял слова, которые были высказаны касательно доказательств. Коль мы находимся с вами в процессе, который рассматривается по нормам УПК, то даже обосновывая ходатайство, следствие должно было представить доказательства, а что такое доказательства, очень хорошо прописано в УПК. Это сведения, но никоим образом не предположения. Очень жалко, что прокуратура плохо знакома с нормами УПК (Стенограмма № 4 по делу Ласточкина).*

Приведем пример реализации коммуникативной категории чуждости при помощи стратегии психологического воздействия. Адвокат задает ряд вопросов с использованием синтаксических стилистических средств – анафоры, кольцевого повтора и др. (тактика атаки вопросами), что создает эффект эмоционального воздействия, формирует выгодное для стороны защиты мнение. Идею противостояния защитника и обвинителя и агональный характер коммуникации усиливают маркеры противопоставления (*не надо «было» – мы сейчас в процессе*):

Адвокат: *А каким образом он может воспрепятствовать? Каким образом?... Он может вам принести деньги, и вы прекратите следствие? Или он может в суд принести деньги, препятствуя следствию? Или он может прокурору? Конкретно можно сказать?*

Следователь: *В ходе того судебного заседания, кажется, уже... да, давались уже ответы на этот вопрос.*

Адвокат: *Нет, давайте, Ваша Честь, сегодня новое заседание, пожалуйста.*

Следователь: *И вам было сказано, что использование...*

Адвокат: Мне не надо сразу «было». Мы сейчас в процессе...Пожалуйста. У нас все в настоящем времени.

Следователь: Отвечая на ваш вопрос ... тогда и сейчас, было указано, что Л. имеет достаточные денежные ресурсы, если вы именно о деньгах говорите...

Адвокат: Нет, я спрашиваю, как?

Следователь: Имеет возможность подкупить свидетелей. Вам этого достаточно?

Адвокат: Только бы свидетелей? (...) Потерпевшего, свидетелей. Участников. ... У вас нет конкретных данных, как он это собирался сделать, у вас нет рапорта толкового майора, который, допустим, эту информацию как-то переработал, вам довел, это просто предположение ваше, что он может, имея деньги, подкупить кого-то, да? ...То есть это... Ваша Честь, для протокола, это предположение следователя о том, что, имея деньги, человек может кого-то подкупить. Мне достаточно (Стенограмма № 1 по делу Ласточкина).

В диаде «защитник – судья» коммуникативная категория «чуждость» выражается посредством двух стратегий – дискредитации процессуальных действий (12 примеров) и психологического воздействия (5 примеров).

Реализация категории чуждости в диаде «защитник → свидетель» направлена на свидетеля стороны обвинения, являющегося процессуально чужим для стороны защиты. В коммуникативном поведении защитника «чуждость» выражается посредством двух основных стратегий – психологического воздействия (27 примеров) и дискредитации (9 примеров).

Практический материал исследования коммуникативного поведения обвинителя (проанализировано 90 стенограмм и протоколов судебных заседаний, включающих участие 15 обвинителей) в рамках его обязательной линии поведения показал наибольшую степень его дискурсивной активности в диаде «обвинитель → защитник», в рамках которой обвинитель апеллирует к двум стратегиям: психологического воздействия (обнаружено 12 примеров) и дискредитации (5).

Приведем фрагмент, в котором представитель стороны обвинения использует стратегию психологического воздействия:

Адвокат: Скажите, пожалуйста, какие основания не отпали на сегодняшний момент?

Прокурор: Те основания, которые были изложены в постановлении суда при избрании меры пресечения в отношении Л.

Адвокат: А можете конкретно пояснить?

Прокурор: Я не желаю пояснять, я вас отсылаю к надлежащему процессуальному документу, который здесь есть. И я полагаю, что здесь не ме-

сто и не время задавать, так сказать, экзаменовать как следователя, так и участвующего прокурора.

Адвокат: То есть вы считаете, что голословность...

Прокурор: Вы сейчас только этим и занимаетесь (Стенограмма № 1 по делу Ласточкина).

На вопрос адвоката прокурор реагирует весьма эмоционально и свою ответную реплику строит с помощью тактики контратаки. Заметим, что категория чуждости проявляется с помощью средств, выражающих несогласие (*не желаю; не место и не время*). Прокурор пытается акцентировать внимание суда на слабой подготовленности защиты к процессу, что относит адвоката к чужим агентам дискурса. Используется прием апелляции к дополнительному аргументу (постановление суда), что имплицитно указывает на некомпетентность адвоката. Лексическая единица *экзаменовать* в реплике обвинителя отсылает к ситуации сдачи экзаменов, которую провоцирует адвокат, и так же, как прием говорения колкости (*Вы сейчас только этим и занимаетесь*), является средством создания эмоционального обсуждения деяний. Попутно обвинитель указывает суду на предвзятое отношение адвоката к процессу, на использование им непроверенных фактов и данных, что ставит под сомнение его профессиональную компетентность.

Коммуникативная категория чуждости в диаде *«обвинитель – подсудимый»* эксплицируется в коммуникативном поведении обвинителя стратегией психологического воздействия (16 примеров), используемой в рамках основной статусно детерминированной стратегии обвинения.

В диаде *«обвинитель → свидетель»* проявления коммуникативной категории чуждости направлены на свидетеля стороны защиты с помощью стратегии психологического воздействия (15 примеров) и дискредитации (7 примеров). В рамках оппозиционной пары *«обвинитель → судья»* проявления категории чуждости выявлены не были.

Исследование реализации категории чуждости в коммуникативном поведении судьи показало что, несмотря на институциональность судебного дискурса в целом и предписанную нейтральную позицию данного агента, анализируемая категория может проявляться в рамках как основной линии поведения судьи (в которой, выступая в институциональной роли, он предстает чужим для всех нарушителей закона), так и дополнительной, где мы имеем дело с такой стороной языковой личности, как «судья – обычный человек» (Дубровская, 2010). Если при характеристике первой линии поведения мы сталкиваемся с деперсонализацией личности, отчуждающейся от своих индивидуальных предпочтений, то в рамках второй, дополнительной, линии поведения судья допускает наличие некоторых субъективных проявлений. Однако следует отметить, что это представляет собой случай исключения из правил, а не норму.

Были проанализированы материалы 89 судебных процессов, отображающих коммуникативное поведение 10 судей.

В диаде «*судья – защитник*» категория «чуждость» выражается через стратегию психологического воздействия (7 примеров) и стратегию следования регламенту судебного разбирательства (3 примера).

Демонстрация судьей своего доминирующего положения представлена в следующем фрагменте, выражающем стратегию психологического воздействия:

Судья: *Может быть, Вы медицинский институт желаете закончить, прежде чем задать эксперту вопросы?*

Адвокат: *Я просто прошу объявить перерыв до завтра.*

Судья: *Ну откуда я знаю, некоторые экстерном и докторские защищают. Ну т.е. за этот день что Вы хотите изучить? Вы скажите, чтобы я понял.*

Адвокат: *Соответствующую нормативную базу.*

Судья: *Какую? Для этого Вам особых познаний не требуется, для того, чтобы спросить, чем эксперт руководствовался. Он Вам ответит. Какие Вам нужны дополнительные познания? Курсы какие-то повышения квалификации? Вот что конкретно? (Стенограмма № 3 по делу Аракчеева).*

В ответ на просьбу защитника объявить перерыв для подготовки вопросов к эксперту судья применяет тактику атаки вопросами, включая прием говорения колкостей, создающий эффект саркастического отношения к компетенции защитника. С помощью ряда уточняющих вопросов, сопровождающихся комментариями, судья пытается подавить адвоката и склонить его отказаться от своей просьбы о продлении процесса. Последний комментарий судьи с использованием приема переформулирования вопросов является средством оказания психологического воздействия, что становится маркером чуждости – отклонения от статусно-нейтральной позиции.

Анализ возможных случаев проявления коммуникативной категории чуждости в рамках противопоставления «*судья – обвинитель*» показал минимальную дискурсивную активность судьи. Данный факт обусловлен его ролью и функцией в судебном процессе, направленной на реализацию генеральной стратегии осуществления общего контроля над проведением судебного заседания. Поэтому обнаруженные нами примеры коммуникативного поведения судьи по отношению к обвинителю сводятся лишь к реализации тактики следования регламенту судебного процесса, реализуемой в рамках статусно детерминированной стратегии осуществления контроля за проведением судебного заседания.

Применяемые приемы апелляции к нормам ведения судебного процесса, указания на нерелевантность вопроса, на несоответствие процессуальным

требованиям, конструктивного уточнения, замечания и др. служат конструктивным целям и не являются, на наш взгляд, проявлением коммуникативной категории чуждости:

Уважаемый представитель государственного обвинения, оценка проводится в прениях (Стенограмма № 12 по делу Агаркова и др.);

Государственный обвинитель, составляйте вопросы так, чтобы свидетель не делал своих выводов, а просто показывал, что он может рассказать как свидетель по данному делу (Стенограмма № 2 по делу Орлова).

При взаимодействии судьи с непрофессиональным клиентом судебного дискурса – **свидетелем** – нами была выявлена актуализация категории чуждости в двух применяемых стратегиях: в стратегии психологического воздействия (12 примеров) и получения достоверных показаний (3 примера), что обусловлено спецификой российского судопроизводства, где судья принимает активное участие в допросе свидетелей, оценивает и корректирует их поведение.

Рассмотрим фрагмент примера реализации стратегии получения достоверных показаний. Судья, атакуя свидетеля уточняющими вопросами, добивается каких-либо версий событий с его стороны, что, на наш взгляд, отчуждает судью, во-первых, от свидетеля (демонстрирует его негативный настрой), а во-вторых, от судебного дискурса в целом. Помимо этого, данный эпизод нарушает представление о судье как агенте, занимающем нейтральное положение и не имеющем цели давить на допрашиваемых.

Судья: Почему Вы уверены, что рассказанные Вами события произошли именно 15 октября 2003 года?

Свидетель: Во-первых, про это много в отделе милиции говорили.

Судья: Что говорили?

Свидетель: Что инцидент произошел.

Судья: Какой?

Свидетель: Что после задержания этого неприятности случились.

Судья: Неприятности какие?

Свидетель: Для ребят.

Судья: В связи с чем неприятности возникли?

Свидетель: Из-за задержания.

Судья: Что, после каждого задержания неприятности возникают?

Свидетель: Нет.

Судья: А почему после этого?

Свидетель: В отдел приезжали... Ребята рассказывали...

Судья: Так в связи с чем неприятности возникли? <Свидетель думает. Пауза> (Стенограмма № 13 по делу Агаркова).

Оппозиция *«судья → подсудимый»* отличается частым использованием стратегии следования регламенту судебного разбирательства (17 примеров). Проиллюстрируем реализацию данной стратегии в эпизоде, который исполнен в ироничном тоне, маркирующем проявление категории чуждости, что имплицитно передает неравенство сторон процесса и доминирование судьи:

Судья: *А., данные вопросы к материалам дела относятся?*

Подсудимый: *Напрямую относятся.*

Судья: *Тогда прошу пояснить суду, потому что суд вашей умной мысли не улавливает.*

Подсудимый: *Ну из-за чего были одеты перчатки? Из-за того, что холодно или из-за того, что что-то другое?*

Судья: *Я и спрашиваю, как это относится к делу?*

Подсудимый: *Напрямую.*

Судья: *Давайте вопросы задавать по делу, а то с таким же успехом можно спрашивать, сколько ворон было на том или ином дереве? Понимаете? (Стенограмма № 4 по делу Аракчеева).*

Институциональный характер судебного дискурса и социальная роль во многом сдерживают коммуникативное поведение судьи, именно это служит причиной его наименьшей дискурсивной активности и менее эксплицитной речи по сравнению с остальными участниками судебного процесса.

Анализ коммуникативного поведения трех агентов судебного дискурса позволил выделить основные стратегии и тактики, актуализирующие коммуникативную категорию «чуждость»: в коммуникативном поведении защитника обнаружены стратегии дискредитации (по отношению к обвинителю и судье) и психологического воздействия (по отношению к свидетелю), в коммуникативном поведении обвинителя (по отношению к защитнику, подсудимому и свидетелю) доминирующей является стратегия психологического воздействия, в коммуникативном поведении судьи выделена стратегия следования регламенту судебного разбирательства, обусловленная статусно детерминированной стратегией осуществления контроля за проведением судебного заседания, и стратегия психологического воздействия.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования и намечаются перспективы, которые нам видятся в дальнейшем изучении коммуникативной категории чуждости в системе других коммуникативных категорий, в пространстве юридического дискурса, а также в сопоставлении чуждости с категорией свойственности в ситуациях как институционального общения, так и повседневного бытового дискурса.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых журналах,
рекомендованных ВАК Минобрнауки России*

1. Богомазова, В.В. Взаимосвязь агональности и категории чуждости в судебном дискурсе / В.В. Богомазова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2014. – № 10 (95). – С. 36–40 (0,34 п.л.).

2. Богомазова, В.В. Ритуальность как способ реализации категории чуждости в судебном дискурсе / В.В. Богомазова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. «Языкознание». – 2014. – № 3 (22). – С. 100–104 (0,36 п.л.).

3. Соломина (Богомазова), В.В. Особенности реализации оппозиции «свой – чужой» в различных видах дискурсов / В.В. Соломина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2014. – № 3. Т. 1. Филология. – С. 176–182 (0,45 п.л.).

*Статьи в сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

4. Соломина (Богомазова), В.В. Репрезентация смыслового поля «свой :: чужой» средствами русского и английского языков / Е.Ю. Кислякова, В.В. Соломина // Вопросы филологии и журналистики: сб. ст.: в 3 ч. Ч. 2 / науч. ред. А.Э. Еремеев, отв. ред. В.А. Евдокимов. – Омск: Изд-во НОУ ВПО ОмГА, 2010. – Вып. 5. – С. 131–136 (авт. – 0,2 п.л.).

5. Соломина (Богомазова), В.В. Феномен «отчуждение» на примере художественных текстов / В.В. Соломина // Парадигмы современной науки: материалы III Междунар. науч. конф. молодых ученых. – Караганда: Центр гуманитарных исследований «Тезис», 2011. – С. 121–125 (0,03 п.л.).

6. Соломина (Богомазова), В.В. Смысловая дихотомия «свой – чужой» и ее смысловая репрезентация (на материале русскоязычных художественных текстов) / В.В. Соломина // *Lingua Mobilis*. – 2011. – № 5 (31). – С. 27–37 (0,53 п.л.).

7. Соломина (Богомазова), В.В. Многоаспектная природа оппозиции «свой – чужой» / В.В. Соломина // Актуальные проблемы лингвистики: сб. ст. по итогам Междунар. науч. конф., 20–22 нояб. 2013 г. / отв. ред. Н.Н. Парфёнова. – Сургут: РИО СурГПУ, 2013. – Вып. 7. – С. 133–141 (0,54 п.л.).

8. Соломина (Богомазова), В.В. Языковые средства вербализации оппозиции «свой – чужой» в русском языке / В.В. Соломина // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XIV Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 13–16 мая 2014 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырев; Ин-т рус. яз. РАН. – Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2014. – С. 122–126 (0,03 п.л.).

9. Богомазова В.В. Вербализация категории чуждости в речевом поведении адвоката / В.В. Богомазова // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. – 2015. – № 1 (35). – URL: www.grani.vspu.ru (0,52 п.л.).

БОГОМАЗОВА Виктория Владимировна

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ «ЧУЖДОСТЬ»
В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 29.04.15. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4 . Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27